

Мой будущий муж был надежным, нежным и даже нравился моей маме. Хотя, по правде сказать, ей было несложно угодить при такой-то дочери, как я. Не возглас восхищения, но вздох облегчения с ее стороны. Ну, и пусть!

Первый месяц знакомства, он привел меня на вечеринку, домой к своему начальнику.

Взгляды его коллег, восхищенные, немножко скользкие. Юбки, оказывается, мне очень идут.

В какой-то момент я не выдержала и затащила своего кавалера в ванную.

Он задел меня своей щетиной и сжал ручищами так, что я практически задохнулась. —

Поцелуй меня. — Сказала я вслух. Он послушно поцеловал, глубоко и сильно, но мое сознание никак не хотело отключаться.

Я вспомнила, как Санька однажды спросила меня:

— Вот чем, по-твоему, отличается мужчина от женщины?

Я только улыбнулась:

— Ясное дело, чем.

— Нет! — Не унималась подруга. — Я не про физиологию!

Я пожалала плечами.

— Мужчины трахают, а женщины любят! — она тогда перебрала, и спорить было бесполезно.

Почему я вспомнила тот неловкий пьяный разговор? Санька, где ты сейчас...

Меня бросило в жар, захотелось опровергнуть тезис старой подруги прямо здесь и сейчас, в ванной комнате его шефа. Я бешено стала покрывать своего мужчину поцелуями и попыталась содрать свитер, прижав его к стиральной машине. Я уже запустила руку ему в джинсы, но он остановил меня и вытащил ладонь, отстранился и внимательно посмотрел мне в глаза:

— Не сейчас. Нас могут услышать.

— Тогда поехали домой. К черту все!

— Я не могу. Мы только пришли.

— Они поймут. Все же люди.

— Кто? Шеф?! Не стоило мне идти с тобой в ванную. Не пей больше сегодня!

— Прости...

Мы вернулись домой и долго стояли обнявшись. Я вдыхала мокрый запах его мехового воротника, а он все никак не хотел меня отпускать. Как прирученный звереныш — милый, благодарный, с извиняющимися глазами. Покорно стянул с себя джинсы, оставшись в семейниках и дубленке. Я засмеялась, а он запустил руку мне под одежду и мял грудь долго и старательно. Я дышала на замерзшие ладони и будила его член, пока он окончательно не окреп. Мой будущий муж не позволил раздеться, просто посадил меня на стол и отодвинул кружевную ленту трусов. Вошел быстро и умело — немудрено: уже час, как я была «под соусом». Муж работал задом, как заправский ковбой, быстро разрядился и уткнулся мне в шею. Внутри все горело от затухающего ожидания...

Вот он мой мир, отныне и навеки... Старый, добрый, стерильный от нечеловеческих переживаний мир. Ему не страшна «прошлая я». Его она не интересуется. Или я всегда была такой? А как же тогда Санька? Мысли путаются от выпитого шампанского.

Он сделал предложение в торжественной обстановке на золотом юбилее своих родителей, и

да, это было даже занятно, что я могла предсказать каждый его шаг, почти каждое его слово. И вот, потекли семейные дни, с новой, еще только схватывающейся рутинной, которая через год будет, наверное, как цемент. Он, действительно, старался быть хорошим мужем и отцом для нашего сына. Как сёгун, по пунктам выполняющий все правила личного семейного кодекса. На этом силы и иссякали... Ежедневный, поначалу, секс, стал в два раза реже, а иногда меня заменял диван и футбол. Мой оловянный солдатик старался, я это чувствовала. Я хвалила его мужественные руки и говорила, что он лучший, с кем я была.

«Устает» — зашкаливала во мне нежность и какое-то материнское чувство к этому большому ребенку, когда я укрывала его, уснувшего, пледом. За спинкой дивана маячил Санькин силуэт, грустный взгляд спрашивал:

— Ты счастлива, подруга?

— Изыди! — шипела я фантому из моего воображения и шла мыть посуду.

Выполнив все свои обязанности, как жены и хозяйки, я садилась с сигаретой на подоконник и растворялась в ночной тишине. На балконе напротив стояла такая же, как я, жена, вдыхающая ночной воздух, после дня, выполненного на оценку «пять». Она посмотрела на меня, я — на нее. Мы улыбнулись друг другу. Она достала сигарету, но не успела зажечь. На балкон вышел ее муж, мягко, но уверенно завел женщину обратно в квартиру. Скука смертная ...

Меня отправили в командировку. Я нервничала и металась по квартире в одном носке, попутно раздавая указания мужу и сыну. Сварила еды на неделю, ребенка велела отправить к бабушке. Да, в среду придет сантехник...

— Не волнуйся, дорогая. Мы большие мальчики, как-нибудь справимся. — Улыбка сделала его похожим на чеширского кота.

Целую мужа, сына, мчусь в аэропорт. В воздухе запах грозы. Значит, все будет хорошо — люблю грозу. Звонит начальник — все отменяется, договорились на онлайн — конференцию. Спешу обрадовать мужа — сотовый не отвечает. Опять уснул?

Замерзшими пальцами открываю дверь. Пахнет кофе и корицей — муж приводит себя в чувства.

— Милый, я дома! Все отменили.

Он выходит в одних семейниках, какой-то растрепанный.

— Могла бы хоть позвонить!

— Я звонила...

Он кидает недовольный взгляд куда-то в сторону. Раздается женский голос:

— Ты скоро? Кофе остынет.

Мороз по коже. Меня поимели...

— Где ребенок?

— У бабушки...

— Ладно хоть, отвел его, догадался!

— Я же не совсем...

Пытаюсь снять сапоги — заедает молнию. Плюю на обувь, иду в комнату. Он испуганно пытается заслонить собою дверной проем, но куда этому шкафу в трусах против моего бешенства?

Захожу. Картина маслом: в постели, рядом с кофейным подносом, прикрывши подушкой тонкую фигурку в черном нижнем белье, сидит она... Нет, не она, а ОНА.

— Санька?!

Она округляет огромные, нереального сиреневого цвета глаза.

— Что?

— Саша...

Она всегда была такой хрупкой, похожей на тощего мальчика. Носила рубахи в клетку, висевшие на ней мешком и джинсы младшего брата, курила самокрутки и очень хотела стать врачом. Первый раз я увидела его (или ее — называйте, как хотите), когда меня, пьяную, пытался затащить в кусты староста класса. Она вышла откуда-то из-за деревьев.

Низкорослый, решительный мальчик.

— Отпусти ее.

— Тебе чего?

— Она одна из наших.

— Ну, конечно! Размечталась!

Староста больно сжал локоть. Я плохо соображала, но когда этот маленький Давид извлек из кармана скальпель и с отчаянием бросился на двухметрового Голиафа, на меня будто ушат воды вылили. Я вырвалась и мешком рухнула на землю. Староста сбежал, крича что-то про маньяков.

Потом Санька протирала перекисью мой разбитый локоть и ругала за то, что я так надралась и поддалась на уговоры старосты. Никого я так не хотела, как этого человека с серьезными глазами редкого цвета...

Про нас узнали мои родители, мать долго кричала, а отец просто посадил меня в машину и увез в другой город. С тех пор я не виделась с ней, слышала только, что она стала врачом, как и хотела.

В комнату по стенке вполз муж. Я медленно подошла к постели, не отрывая взгляда от нее, попыталась отобрать подушку.

— Катя?

— Я...

Бросив подушку, я так крепко сжала Сашку, а она меня. Даже через всю мою одежду я чувствую, как колотится ее сердце. Муж стоит офонаревший.

— Вы чего это? Кать?!

— Отвали...

Я вдруг подскочила и набросилась с объятьями на мужа.

— Да ты хоть знаешь, идиот ты эдакий, с кем ты мне тут изменяешь?!

Он испуганно молчит.

— Из всех женщин планеты ты выбрал ее, именно ее!

Я снова возвращаюсь к Сашке, целую ее, а она меня.

— Ты изменилась!

— Ты тоже.

— А как же «Сашка в клетчатой рубашке»?

— Нелегко ему... ей пришлось. Меня ведь даже в психушке родители держали, Кать.

— Вылечили?

Мы опять целуемся. Я не хочу выпускать ее из рук. Муж обиженно переминается с ноги на ногу.

— Прости, Кать, я не знала, что он твой муж... Что он, вообще, женат!

— А он не знал, что я вернусь. Но ты же не спишь с мужчинами?

— Как и ты. Вот, решила попробовать...

Не хочу выпускать Саньку из рук. Пусть муж смотрит.

Ему первому стало неловко.

— Дайте хоть поднос заберу.

Делай, что хочешь.

Он выбежал на кухню, как ошпаренный. А Санька снимает мое пальто, наконец-то поддается молния сапог. Саня расстегивает мою блузку, глядя своими аниме — глазами прямо в душу. Я снимаю с нее бюстгальтер и прикасаюсь к груди: высокой, аккуратной.

— Она стала еще красивее с тех пор.

— Да ладно!

Санькины щеки пылают, а руки продолжают стягивать с меня одежду: юбку, чулки. Я целую ее шею, мочку уха, проникаю дрожащей ладонью за нежное кружево трусов, пока ее руки стягивают с меня стринги.

В комнату заглядывает муж, но я не могу оторваться от Сашкиного тела, чтобы хоть как-то отреагировать на него. Моя рука уже глубоко. Сашка выгибается и дрожит, благодарно прижимается ко мне всем телом. В коридоре хлопает дверь муж ушел, не выдержал...

А Санька, отдышавшись, всюю принимает за меня, не давая сбежать, покрывает поцелуями ноги, бедра, живот. Перебирает и гладит рыжеватые волосы там, где недавно была аккуратная интимная стрижка.

— Обросла я, да?

— Ты моя златовласка!

Санька щекочет и покусывает, перебирает меня языком так, будто селекционер вывел какой-то новый плод, а теперь пробует его на вкус. Сладко втягивает в себя, при этом руками прижимая меня еще ближе к губам. Я мычу о удовольствия, какого не было уже лет — дцать. Ровно столько, сколько не видела Сашки. Перед глазами мелькают фейерверки, я извиваюсь, но сильные руки не выпускают — рано. С пяток, голеней, бедер, живота — отовсюду простреливают тонкие зудящие нити и прокатываются по телу оргазмом, колебания которого не успевают затихнуть, как выстреливает еще один. Я мягко отстраняю Саньку:

— Мы так никогда из постели не вылезем.

— А куда нам теперь вылезать?

Через полчаса мы с Сашкой на кухне пьем чай. Муж раздевается в прихожей, говорит, что вернулся только за вещами.

Я обнимаю его обиженное туловище, целую в макушку:

— Спасибо тебе за Саньку